

11 РОССИЯ И АРКТИЧЕСКАЯ СРЕДА – ПОТОКИ УГЛЕВОДОРОДНОГО СЫРЬЯ¹

Вели-Пекка Тынккынен

В данной статье рассматривается, как российская углеводородная культура² проявляется в Арктике. Под углеводородной культурой я подразумеваю нынешнюю систему энергетической политики и ее особый менталитет «энергетической культуры», которая не в состоянии освободить Россию от нефтегазовой зависимости и не готова к неизбежным системным изменениям, вызванным глобальным изменением климата. Кроме того, я хочу показать, как зависимость от нефти и газа влияет на окружающую среду в регионе и как вся политическая паутина определяет воображение и действия в отношении потоков ресурсов, товаров и знаний. Я использую здесь понятие «потоки», ссылаясь на оригинальное определение Мануэля Кастельса о пространствах в потоке (Castells 1999). Такие потоки могут быть материальными или нематериальными. Однако общим для пространств этих потоков является то, что они часто противопоставляются обитаемым и повседневным местам людей, сообществ и природы. При этом пространства этих потоков наделяются силой, которая обычно вытесняет и подавляет другие пространства соответствующих мест. Поэтому приведенный ниже анализ относится к вопросам геоэкономики и социальных связей через коммуникационные системы (связность) с точки зрения географии человека и пространственно информированной социальной науки.

Кроме того, в этой главе будет поставлен вопрос о том, какую роль играет российский Север в обеспечении будущего режима и выбранного им экономического и политического курса как одного из ключевых геополитических амбиций Путина для России. Я объясню, как углеводородная культура России способствует возникновению экологических проблем, которые варьируются от локального до глобального уровня, и которая представляет собой в действительности «геологическую силу», которая перестраивает арктическую среду для удовлетворения потребностей этой самой культуры. При этом эта культура

1 В этой статье обобщены важные идеи из книги автора «Энергия России». Углеводородная культура и изменение климата. Челтнем: Издательство Эдварда Элгара (2019). Впервые на английском языке она была опубликована в журнале Raik, Kristi et al. (eds.) 2021. Nordic-Baltic Connectivity with Asia through the Arctic. Таллинн: Международный центр обороны и безопасности (ICDS).

2 Здесь имеются в виду продукты добычи нефти и газа, на которых основана так называемая (ископаемая) культура углеводородов.

опирается на три арктических парадокса – локальный, национальный и глобальный. Культура углеводорода не способна открыто решать эти парадоксы, поэтому они остаются неявными, как социальные табу. Неспособность донести эти проблемы является ключевым препятствием на пути к устойчивой или «жизнестойкой» и устойчивой Арктике и соответствующему развитию России.

Арктические потоки как инструменты углеводородной культуры

Россия является крупной державой вышеупомянутых потоков и их возможностей взаимодействия, и ее сырье мирового масштаба и ресурсы имеют для нее центральное значение. Можно перечислить множество областей, в которых Россия играет авторитетную роль: нефть, газ, уголь, уран, зерно (пшеница), удобрения, алмазы, золото, металлы и т.д. Более того, благодаря размерам своей территории и географическому положению между Европой и Азией, Россия способна влиять и даже контролировать многие региональные и глобальные торговые потоки, пересекающие ее территорию. Особенно здесь важную роль играет расположение России в арктическом контексте, хотя бы из-за ее морского транспортного потенциала в отношении Северо-восточного пути. Но российская Арктика также все больше превращается в глобальный маршрут для других транспортных потоков. Например, планируемый кабель передачи данных Arctic Connect, который соединит Европу и Азию и обеспечит более быстрые и, следовательно, более дешевые транзакции и интернет-соединения, будет проходить примерно по маршруту Северо-восточного пути и, таким образом, через исключительную экономическую зону России шириной 200 морских миль. Кабель стоит на повестке дня ЕС и стран Северной Европы в Арктике, и компания Cinia Ltd, контрольный пакет акций которой принадлежит финскому государству, реализует проект с российскими, норвежскими и японскими партнерами. Они называют кабель «нейтральной инфраструктурой» (Pfeiffer and Khennikov 2019), что само по себе является геополитическим актом. По крайней мере, они пытаются остаться под политическим радаром и заверить инвесторов и будущих пользователей в том, что поток данных безопасен. Однако для того, чтобы строительство началось в соответствии с планом с 2022 г., Россия все еще должна одобрить проект, поскольку большая часть кабеля пройдет через исключительную экономическую зону России, а в некоторых местах – через ее территориальные воды.

Как и в случае с этими будущими потенциальными потоками данных, Россия имеет различные рычаги влияния на другие потоки трафика в Арктике. Контроль над морскими перевозками занимает важное место в российской повестке дня, о чем свидетельствует, например, тот факт, что государственная ядерная корпорация «Росатом» получила эксклюзивные права на контроль

арктических вод (Атомфлот 2021). Воздушное сообщение между Европой и Азией также является арктической проблемой. Хотя воздушное сообщение над Россией само по себе не является вопросом арктической политики, Арктика играет здесь определенную роль, по крайней мере, символическую, поскольку полеты сюда часто осуществляются по северному маршруту. Без разрешения России самолетам пришлось бы летать над Северным полюсом, как это было до 1990-х годов. В последнее время Россия подчеркивает свое влияние в этом регионе. Например, финская авиакомпания Finnair сильно зависит от полетов над Северной Сибирью, поскольку стратегия компании основана на позиции Хельсинки как центра воздушного транспорта, соединяющего Китай и Японию с Европой и Северной Америкой. Потенциал России использовать эти транспортные потоки в качестве рычага давления стал очевиден после начала войны на Украине в 2014 г., когда Россия пригрозила отменить транзитные полеты над Россией в ответ на реакцию Запада на российскую агрессию. Это, конечно, было отмечено в Европе. Однако финская реакция, безусловно, пришлась по вкусу Москве, в то время как многие размышляли о том, сможет ли Finnair продолжать выполнять полеты над Сибирью, о чем между Финляндией и Россией с 1993 г. существует двустороннее соглашение (Soisalon-Soininen 2014). Никаких ограничений на воздушное сообщение в итоге не последовало, но этот эпизод оставил неизгладимое впечатление, что этот вопрос может возникнуть в любой момент, если позиция России на Украине, в Арктике или где-либо еще не будет приниматься. Именно так видит свое влияние современная Россия: Россия Владимира Путина в основном использует эти потоки коварным образом, убеждая, оказывая давление и шантажируя как внутренних, так и международных игроков. То, что последовало после начала войны на Украине и в Сирии, продемонстрировало еще один инструмент, который обычно не рассматривается как средство давления, по крайней мере, в арктическом контексте: Россия внезапно открыла свои северные границы для беженцев и трудовых мигрантов, которые оказались в России, чтобы добраться до Норвегии и Финляндии в 2015-2016 гг. Таким образом, кризисы беженцев и связанная с ними торговля людьми также являются частью репертуара России для установления контроля на международной арене (см., например, Nerg and Järvenkylä 2019).

Для путинской России и ее углеводородной культуры как внутренние, так и транснациональные стратегические потоки товаров, данных и людей являются инструментами контроля и власти, иными словами, экономическим «маневрированием». Хотя я не верю, что Россия полностью прекратила бы использование таких рычагов, если бы не ее высокая зависимость от ископаемого топлива, я думаю, что гораздо более вероятно, что нынешняя культура углеводородов использует их злонамеренно как средство принуждения. Вся логика власти путинского режима основана на использовании всех рычагов материальных и семиотических объемов этих потоков, имеющихся в его распоряжении чтобы

достичь эффекта. Помимо своей военной мощи, Россия не имеет большого влияния на международной арене. Россия могла бы лучше использовать различные виды потоков на благо человечества и преуспеть в экономическом и социальном плане более устойчивым образом. Эти положительные «зеленые потоки» в первую очередь связаны с экологическими услугами, использованием возобновляемых источников энергии и содействием энергетическому переходу, в котором Россия может сыграть ключевую роль в будущем. Например, в России имеются крупные месторождения редких металлоносных пород, которые необходимы для развития солнечной энергетики, но эти металлы не используются в больших масштабах. Кроме того, на территории России находится целый ряд ресурсов, которые могут помочь остановить негативные глобальные потоки – Россия может остановить потоки углерода, поскольку потенциал хранения углерода в лесах, болотах и вечной мерзлоте страны значителен. Но для их активной защиты необходима национальная политика в области охраны окружающей среды и климата, которой до сих пор не было. Хотя в путинской России появилась стратегия адаптации к климату (Правительство ... 2019), эта чисто реактивная и совсем не перспективная активная политическая позиция – к сожалению, все, что можно ожидать от углеводородной культуры. Однако в России есть «зеленые потоки» будущего – пресная вода, устойчиво выращиваемые культуры, удобрения и природные заповедники как «инкубаторы биоразнообразия», то есть безопасные убежища, которые обеспечат будущие потоки флоры и фауны в мире, испытывающем растущее давление со стороны изменения климата. Все эти активы позволили бы России стать лучше экономически и завоевать через (мягкую) силу уважение и восхищение – а не через принуждение и внушение страха, как это происходит сегодня. Далее я анализирую, как путинская углеводородная культура видит Арктику и как она относится к окружающей среде.

Зависимость от бывших путей и строительство государства в «исключительном» арктическом контексте

Марлен Ларюэль подчеркнула, что Арктика является одним из центральных дискурсов, связанных с геополитикой, национальной идентичностью и государственным строительством в путинской России (Laguelle 2012). Цели и идеалы Арктики обсуждаются в историческом контексте, поскольку этот дискурс строится со ссылкой на достижения советского государства на Крайнем Севере. Таким образом, государственный геополитический дискурс путинской России частично зависит от избирательного использования истории царской и советской эпох (Тынккунен 2016а). И, конечно, такие рассуждения устремлены в будущее, где успехи в Арктике проложат путь к укреплению национальной экономической мощи.

Геополитический дискурс Арктики, начавшийся в России в последнее десятилетие, является следствием нескольких глобальных, региональных и национальных процессов. Одним из наиболее важных факторов является изменение климата, которое в регионе происходит ускоренными темпами. Видение свободного ото льда Северного Ледовитого океана, а также оценки богатых ископаемых месторождений углеводородов на российском арктическом континентальном шельфе сыграли решающую роль в развитии экономической деятельности в этом регионе. Ожидание того, что потеря морского льда превратит Северо-восточный путь в ключевой маршрут между Европой и Азией, формируя интерфейс между геополитическими дискурсами Евразии и Арктики, подчеркивает, как переплетаются экономические и политические потребности правящего режима (Медведев 2018). Внутренние и внешнеполитические императивы, отчасти символические, отчасти принудительные, требуют от путинской России увеличения военного присутствия в Арктике, чтобы подчеркнуть свой суверенитет в регионе, например, посредством территориальных претензий.

Более того, упор на разработку углеводородов, сделанный как по экономическим, так и по властно-политическим причинам, заставляет Россию расширять свою деятельность в Арктике. Однако это не решение в подлинном смысле слова, а скорее зависимость от того пути, который задает культура углеводородов и ее пространственная логика: Она создает благоприятные условия для нефти и газа в ущерб другим секторам национальной экономики, а также акцентирует внимание на крупных проектах, осуществляемых под руководством государства с помощью авторитарного правления. Эта зависимость от пути не ограничивается сферой российской экономики и политики, но также охватывает общество и культуру в целом с точки зрения построения культуры углеводородов (Tynkkynen 2016a; 2016b).

Из-за относительно низкой цены на нефть многие арктические мегапроекты пока приостановлены. Масштабные планы по превращению российской Арктики в россыпь морских нефтяных платформ и газопроводов, предусмотренных в энергетической стратегии Российской Федерации 2009 года, пока не реализованы, хотя Россия попыталась повлиять на цену на нефть, достигнув в конце 2016 г. соглашения с ОПЕК о сокращении добычи нефти. Два энергетических комплекса, которые были запланированы до обвала цен на нефть в 2014 году и реализованы после – нефтяное месторождение «Приразломная» в Карском море и объекты по производству и транспортировке СПГ «Ямал СПГ» на полуострове Ямал – могут оказаться рискованными инвестициями как для российского государства, так и для частных инвесторов. Международные компании, участвующие в энергетических проектах в Арктике, в настоящее время встречаются редко, в основном из-за низких цен на нефть, а также из-за санкций, введенных против России западными странами в связи с агрессией против

Рис. 1 и 2: Порт СПГ Сабетта на полуострове Ямал. Фото: Дмитрий Ягодин.

Украины (Aalto 2016). Санкции конкретно направлены на будущие разработки Россией углеводородов в Арктике.

Учитывая важность Арктики для путинского видения будущего России, маловероятно, что масштабные планы по освоению Арктики, которые до сих пор лежали в ящиках правительства, будут оставлены. Однако без энергетических технологий западного происхождения, на которые сейчас наложены санкции, завоевание Арктики Россией будет непростым, если оно вообще возможно (Aalto 2016). Таким образом, важность арктического сотрудничества подчеркивается в российском внешнеполитическом дискурсе, который утверждает, что арктический форум действительно является ареной единомышленников и поэтому может рассматриваться отдельно от конфликтов в других местах - на Украине, в Сирии и за ее пределами. В то же время внутривластный дискурс и риторика, направленная на российское население, определяют Арктику как территорию, где интересы России вступают в конфликт с интересами других, в основном западных, игроков, которые якобы хотят разграбить природные богатства России (Gritsenko and Tynkkynen 2018). Поэтому образ видения Арктики в «исключительном» контексте подходит – где, с одной стороны, все акторы подчеркивают верховенство закона и придерживаются международных норм, но где, с другой стороны, бескомпромиссный курс российской политической элиты, навязчиво цепляющейся за углеводороды, всегда находит отклик.

Для некоторых игроков на Западе и в Азии может быть заманчивым, вплоть до наивности, потакать этой экстраординарной ситуации в надежде на быструю экономическую выгоду. С другой стороны, арктическое сотрудничество в области энергетики, экологии и культуры практически способно стать источником прогресса, который может привести к ослаблению напряженности в отношениях между Россией и Западом. Это следует поощрять, не забывая при этом о политических и экологических рисках, которые могут сопровождать такое решение. Поэтому в данный момент стоит прямо спросить: какие цели продвигаются во имя «арктической исключительности»? Хочет ли мировое сообщество способствовать развитию России, которая чувствует себя комфортно в своих углеводородах и вокруг них, укрепляя углеводородную культуру и обрекая страну на все более глубокую зависимость от ресурсов, которая еще больше подрывает ее демократические институты и увековечивает централизованное и неподотчетное правление? Или же мировое сообщество способно воспринимать Россию и ее северные просторы в ином контексте, где местные источники средств к существованию занимают центральное место в процветающей и устойчивой экономике, а к смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним относятся серьезно, включая смелую инвестиционную программу, нацеленную на огромный потенциал возобновляемых природных ресурсов и энергии?

Парадоксы культуры углеводородов в России, ориентированной на Арктику

Великодержавные амбиции России в Арктике сходятся в сочетании традиционного суверенитета, утверждающего «новую» территорию, экономической отдачи от природных ресурсов региона и морских путей, а также укрепления ее имиджа как глобальной энергетической сверхдержавы. Несмотря на все это российское «мышление среды обитания» (Laguelle 2012), арктическая политика в будущем также будет определяться сотрудничеством. Однако нынешний курс создает несколько парадоксальных рисков для России на пути к Арктике.

«Глобальный арктический парадокс», описывающий ситуацию, при которой изменение климата, с одной стороны, позволяет эксплуатировать новые северные энергетические ресурсы, а с другой – еще больше усугубляет изменение климата (Heininen 2018), кажется, игнорируется, когда мир рассматривает минеральные ресурсы Арктики (Gritsenko 2018). Глобальный арктический парадокс действительно является этической проблемой, поскольку парниковые газы, выделяемые при добыче и использовании углеводородов, оказывают особенно сильное воздействие в Арктике. Более того, скрываются неопределенности, связанные с быстро тающим морским льдом и таянием вечной мерзлоты, а экономические перспективы арктической индустриализации подчеркиваются как слишком многообещающие (Gritsenko and Tynkkynen 2018; Palosaari and Tynkkynen 2015). Эти глобальные тенденции представляются особенно применимыми к России, где Арктика активно превращается из «непригодной для жизни» периферии³ в геополитический центр, который по-новому переплетается с государственным строительством и конструированием политической идентичности великими державами.

Для «российского арктического парадокса» этическая проблема встает в меньшей степени, чем это происходит с глобальным арктическим парадоксом. Изменение климата приводит к таянию льдов и ускоряет дальнейшую разработку арктических углеводородов, причем этот национальный парадокс связан с колебаниями мировых цен на нефть и потенциально меняющимся восприятием России как великой державы. Российский арктический парадокс обусловлен необходимостью видимого присутствия России в Арктике и вдоль Северного морского пути для укрепления статуса великой державы, а также тем фактом, что Россия стала хронически зависимой от ископаемых углеводородов в экономическом, политическом и даже культурном плане (Gustafson 2012). Эти факторы заставляют российское государство продвигать и финансировать пока нерентабельные нефтяные проекты в Арктике и делать все возможное для влияния на цену нефти через свою энергетическую дипломатию и

3 См. раздел об определении устойчивого развития ниже.

внешнюю политику на мировой арене, чтобы сделать арктические нефтяные проекты прибыльными и увеличить доходы бюджета.

На низовом уровне, с другой стороны, мы видим «местный арктический парадокс»: города рабочего класса, построенные на основе добычи нефти и газа, относительно хорошо обеспечены, а коренные общины получают «субсидии» или компенсацию за экономические потери, вызванные промышленностью, но не имеют долгосрочных экономических и социокультурных стратегий, которые выходили бы за временные рамки все еще существующей углеводородной промышленности (Hengry et al. 2016). Этот локальный арктический парадокс отражает общий парадокс, стоящий перед российским обществом: как вернуться к процветанию после нефти? В отличие от глобального арктического парадокса, локальным арктическим парадоксом легче управлять на Крайнем Севере России, например, через практику некоторых корпоративных социальных обязательств, отслеживаемых на полуострове Ямал (Tynkkynen et al. 2018). Однако до тех пор, пока эта деятельность будет обозначаться как «благотворительность» – что особенно характерно для крупных игроков на Крайнем Севере, таких как Газпром, Роснефть и Новатэк – этот парадокс не может быть решен на стратегическом уровне. Именно здесь решающую роль могут сыграть согласованные на международном уровне цепочки поставок и товарные сертификаты. В конце концов, мы в ЕС, Япония и Китай – основные покупатели, а Индия и Южная Корея – другие коллективные покупатели российских энергоресурсов, и в наших интересах повысить ответственность по всей цепочке поставок энергоресурсов.

Подходя к арктическим парадоксам России с позиций различных дисциплин, мы можем составить более тонкую картину факторов и зависимостей, стоящих за этими парадоксами. Во-первых, повестка дня и решения по индустриализации российской Арктики представляются легитимными с точки зрения политической экономии, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Ископаемые углеводороды Арктики играют центральную роль в поддержании высокого уровня добычи нефти и газа и связанных с этих доходов. Доходы от продажи ресурсов играют центральную роль в популярности Путина. Помимо укрепления военного потенциала и структур внутренней безопасности, эти доходы использовались на благо российских граждан в виде систем социальных трансфертов и через экономический эффект «просачивания». Связь между доходами от продажи энергоносителей и популярностью режима, похоже, пока сохраняется, хотя богатство российской нации – капитал, связанный с энергоносителями, – в эпоху Путина, начавшуюся в 2000 году, скапливается во всё меньшем количестве рук, в то время как значительная часть населения продолжает жить за чертой бедности (Shorrocks et al. 2016). Контроль над этими доходами также имеет решающее значение для самосохранения правящего режима, который может быть использован для поддержания лояльности политической

и экономической элиты – в первую очередь олигархии – с помощью «пряника» и «кнута» при помощи доходов от энергетических потоков. Переплетение экономических интересов с интересами политических элит и, как следствие, абсолютный приоритет добывающего сектора является основной причиной того, что путинская Россия не может избежать попыток сделать все, чтобы преодолеть препятствия на пути к «крупной рыбе» Арктики с ее большими запасами нефти и газа (Bridge 2011; Tynkkynen 2010, 2014). В результате чрезмерное высвобождение углерода, которое имеет серьезные экологические последствия от локального до глобального уровня, играет решающую роль не только в дальнейшей судьбе Арктики, но и в будущем России, которая до сих пор держалась за свою углеводородную культуру.

Во-вторых, с точки зрения политики идентичности и культуры, арктические парадоксы России не кажутся такими уж долговечными, как можно было бы предположить с точки зрения политической экономии российской Арктики. Однако то, как правительство конструирует идентичность и продвигает определенные культурные формы, представляет собой проблему для устойчивого развития Арктики. То, как строится российский политический дискурс об Арктике и как Арктика переплетается с усилиями по государственному строительству (Medvedev 2018), в значительной степени связано с тем, как российская территория и ее ресурсы в целом инструментализируются режимом как часть национальной идентичности и культуры. Я имею в виду усилия правящего режима и его центральных игроков, таких как Газпром, Роснефть и Лукойл, по использованию пространственных и материальных реалий (инфраструктур, потоков и связей) энергетики для создания особой формы идентичности, которая подчеркивает сильную зависимость страны от природных ресурсов, особенно ископаемых энергоносителей, как силу, укрепляющую роль России как великой державы. Попытка «продать» эту углеводородную культуру и идентичность энергетической сверхдержавы российскому населению (Bouzarovski and Bassin 2011; Rutland 2015), таким образом, фундаментально связана с тем, как роль Арктики представлена в центральной геополитической ориентации развития российского государства и его суверенитета, как показывает Laruelle (2012).

Таким образом, эта паутина идентичности, связывающая Арктику и ее ресурсы, также является центральным фактором, влияющим, если не определяющим, на то, как экономика, культура и окружающая среда рассматриваются на политическом уровне. Чтобы понять, почему в России так мало думают над вопросом: «Что придет после ископаемых углеводородов?», нам необходимо знать культурные и самобытные аспекты этой проблемы. Среди прочего, сконструированные идентичности углеводородной культуры в сочетании с процессами на метауровне политической экономии объясняют, почему коренные сообщества можно «держат в узде» и сохранять средства к существованию с помощью «искусственного дыхания», например, субсидий угле-

водородной промышленности в качестве компенсации за загрязнение и потерю среды обитания. Практика «доения нефтяников», т.е. раздачи крох богатства в виде потребительских товаров и некоторых социальных услуг, а не долгосрочное стратегическое планирование для продвижения северной (коренной) экономики и культуры, удалось возникнуть потому, что региональные и местные органы власти в российской Арктике также являются частью игры, в которой углеводородная промышленность находится «на водительском месте» (Henry et al. 2016).

В-третьих, по мере изучения политической экологии в российской Арктике становятся все более очевидными проблемные направления, заданные политической экономией в путинской России, а также связанные с ней культурные практики и практики идентичности. Российская углеводородная промышленность загрязняет воздух, воду и почву в субарктических и арктических регионах, нанося ущерб как арктическим экосистемам, так и здоровью местного населения. Поскольку российская нефтяная промышленность была ренационализирована – после приватизации российской нефтяной промышленности в 1990-х гг. государство восстановило контроль над двумя третями нефтедобычи – государство несет ответственность за неадекватную экологическую политику в этой области (Shapovalova 2017; Shvarts et al. 2016). Количество официально заявленной разлитой нефти составляет 1,5 млн. тонн, однако, по оценкам специалистов, не менее 1 % добываемой в России нефти, т.е. 5 млн. тонн сырой нефти, попадает в окружающую среду в процессе добычи и транспортировки, и, таким образом, 500 000 тонн углеводородов попадает в Северный Ледовитый океан через реки (Hese and Schmullius 2009; Гринпис России 2020). Количество ежегодных разливов из поврежденных нефтепроводов составляет от 10 000 до 20 000 (Министерство ... 2020), но точное число неизвестно из-за отсутствия прозрачности в отрасли и из-за халатного отношения государства к экологическому ущербу (Vasilyeva 2014). Поэтому официальных данных о разливах нефти не существует, а цифры, предоставляемые энергетическими компаниями, в основном ненадежны (Shvarts et al. 2016).

Кроме того, около 20 миллиардов кубометров попутного нефтяного газа (ПНГ), что эквивалентно 3 % годовой добычи газа в России и 10 % объема, импортируемого из России странами ЕС, сжигается в факелах на российских нефтедобывающих платформах (Korproo 2018). Обнадеживающий рост использования ПНГ с 2008 г. является непреднамеренным результатом реформы энергетического сектора, которая проводится в России с 2008 года. Нефтяные компании производят электроэнергию из ПНГ на малых электростанциях, тем самым избегая платежей за мощность и розничных платежей на рынке электроэнергии, что сделало их более энергоэффективными (Васильева и др. 2015). Однако даже после такого резкого сокращения объемов сжигания ПНГ с более чем 50 до всего лишь 20 млрд куб. м, Россия по-прежнему явля-

ется крупнейшим загрязнителем, на долю которой приходится от пятой до четверти всех сжиганий ПНГ в мире, несмотря на то, что на нее приходится всего 13 % мирового производства нефти (Elvidge et al. 2018). Российское сжигание ПНГ наносит огромный вред окружающей среде Арктики по двум причинам: на сжигание газа приходится около 1 % глобальных выбросов парниковых газов, связанных с энергетикой (IEA 2018a), а черный углерод, выделяемый при сжигании, также известный как сажа, ответственен за половину выбросов в атмосферу всего вещества, которое оседает на арктических льдах и снегах, а также вызывает их таяние. Последние исследования (Shapovalova 2017; Stohl et al. 2013) показывают, что черный углеводород ответственен примерно за треть - половину всего потепления климата в регионе, внося значительный вклад в потепление, которое происходит в Арктике в два раза быстрее по сравнению с более низкими широтами. Однако главной причиной глобального арктического парадокса являются глобальные выбросы парниковых газов, вклад в которые вносят все страны и экономики. Однако влияние выбросов черных углеводородов российской углеводородной промышленности на потепление климата составляет значительную долю общего климатического воздействия российских выбросов и даже решающую долю потепления в Арктике. Короче говоря, российская углеводородная промышленность – поддерживаемая политэкономией путинской культуры углеводородов – ускоряет потепление Арктики и, в то же время, ее последующую усиленную эксплуатацию. Ведь именно там находится значительная часть будущих богатств, и российская углеводородная культура словно превратилась в «геологическую силу», которая трансформирует природную экосистему Арктики и заставляет ее служить нуждам выбранной культуры. Добыча нефти и газа буквально растапливает лед, обнажая еще неиспользованные запасы нефти и газа в Арктике.

Учитывая вышеперечисленные факторы, то, как российская элита представляет широкой общественности изменение климата в Арктике и глобальное потепление, не вызывает удивления. По общему мнению, Россия не находится в авангарде глобальной климатической политики, но она также не пыталась открыто препятствовать международным климатическим соглашениям. Россия была участницей Киотского протокола и подписала Парижское соглашение 2015 г., которое она ратифицировала в 2019 г. Однако то, как государство и его СМИ освещают изменение климата в целом, особенно применительно к Арктике, говорит о растущем скептицизме и открытом отрицании антропогенного изменения климата и его негативного воздействия на Россию и особенно ее арктические территории (Palosaari and Tynkkynen 2015; Poberezhskaya 2015). Я считаю, что политэкономия, привязанная к углеводородам и потребностям правящего режима в построении идентичности по отношению к Арктике и ее энергетическим ресурсам, позволяет представить режим как стремящийся к благосклонности и самосохранению, рассматривая углеводороды и их соци-

альные последствия в исключительно позитивном свете. В этом повествовании негативные экономические, социальные и экологические последствия глубокой социокультурной зависимости от углеводородов становятся социальным табу, как и изменение климата и его негативное воздействие на Россию и прилегающие к ней арктические территории.

Окружающая среда в нарративе российской арктической политики

В целом, нарративы, которые Россия распространяет вокруг Арктики, шизофреничны: российское население слышит сообщение о том, что России, «крепости», угрожают силы извне, в то время как общий нарратив, представленный официальной Россией на зарубежных форумах и площадках, изображает Россию как идеального, законопослушного члена мирового сообщества, стремящегося к взаимной выгоде только через экономическое и политическое сотрудничество (Gritsenko and Tynkkynen 2018). Каждая страна пытается представить себя на международной арене в качестве «доброжелателя»: Все нации и государства имеют тенденцию общаться внутри страны иначе, чем снаружи. Но российская двуличность не имеет аналогов среди промышленно развитых стран и находится на одном уровне с такими авторитарными правительствами, как Китай. Я считаю, что эта двойственность (Gessen 2017) является продуктом культуры углеводородов: чтобы не ставить под угрозу свою легитимность, у путинского режима нет другого выбора, кроме как решать экологические проблемы, преувеличивая при этом угрозы безопасности для российского населения.

Интересно, что аналогичное различие наблюдается между внешней и внутренней коммуникацией в области окружающей среды. Хотя внутренний нарратив по понятным причинам шире, чем внешняя коммуникация, тот факт, что природная среда чаще рассматривается в отечественных СМИ (например, в «Российской газете»), чем во внешнеполитических заявлениях (например, в документах Министерства иностранных дел), может показаться контринтуитивным или противоречащим здравому смыслу, особенно учитывая, что окружающая среда обычно считается идеальным кандидатом для международного сотрудничества. С одной стороны, это показывает, что экологические вопросы важны для режима Путина – по крайней мере, риторически - когда он говорит об Арктике и ее освоении. Этот акцент можно объяснить, как ключевой легитимизирующий компонент в экономико-утилитарном дискурсе: Обещая устранить экологические последствия эксплуатации Арктики в прошлом и защитить арктическую природу от нового натиска, режим «покупает сердца», чтобы подчеркнуть свои усилия по созданию арктической нации. Относительное отсутствие внимания к международному экологическому сотрудничеству в Арктике в официальных внешнеполитических документах можно объяснить общим

дипломатическим фокусом на процедурах через международные организации и международное право. В отсутствие Арктической экологической конвенции и при общем занижении роли изменения климата в повестке дня российской арктической политики – где изменение климата рассматривается скорее как источник новых возможностей и где существует лишь ограниченное признание местных последствий изменения климата – относительное игнорирование экологии во внешней коммуникации вполне объяснимо.

Однако окружающая среда используется в национальном нарративе для легитимации выбранной политики углеводородной культуры: Экологический аргумент является одним из многих инструментов, стимулирующих разработку арктических углеводородов. Повестка дня Года экологии 2017 (Министерство ... 2017) в России показательна: экология Арктики обсуждается только с точки зрения решения проблем захламливания и загрязнения, вызванных экономической и военной деятельностью советского государства на Крайнем Севере, чтобы дать энергетическим компаниям и властям средства для борьбы с будущими утечками при добыче нефти и газа в Арктике. Следует отметить, что – вполне в соответствии с последующей стратегией России по адаптации к климату (Правительство ... 2019) – ни один из проектов не был направлен на смягчение последствий изменения климата. Это говорит о том, что, хотя правительство уделяет внимание экологическим изменениям, которые непосредственно ощущаются населением, таким как проблемы городских отходов и загрязнение воздуха на местах, оно не обращает внимания на глобальные экологические изменения, которые будут иметь гораздо более серьезные последствия для россиян и России. Экологические изменения в российской Арктике, вызванные отчасти действиями углеводородной культуры, остаются табу для режима, в то время как окружающая среда определяется как служащая общим нуждам. Поэтому в этот нарратив нельзя включить защиту окружающей среды Арктики путем смягчения последствий изменения климата, так как это поставит под сомнение рациональность всего арктического предприятия путинской России.

Заключение

Учитывая арктические парадоксы, с которыми сталкивается путинская Россия, описанные выше, мы, скорее всего, увидим баланс между акцентом на «жесткие» и «мягкие» вопросы и подходы России к арктической политике: Они будут использоваться совместно на благо углеводородной культуры, поскольку она сама зависит от арктических ресурсов. Однако, поскольку Крайний Север занимает центральное место в путинской России, в Арктике открываются возможности для продвижения более социальной и экологичной политики и практики. Поэтому представляется более вероятным, что Россия может стать более вос-

приемчивой к амбициозной экологической политике в контексте арктического сотрудничества, поскольку Арктика должна оставаться «исключительной» по той простой причине, что успех режима Путина связан с будущим ископаемых видов топлива в этом регионе. Проблема решения проблемы путинской углеводородной культуры в Арктике заключается в сложности поощрения действий, которые могут отвлечь Россию от этой культуры, и препятствования действиям, которые только подольют масла в огонь режима, процветающего на углеводородах. Таким образом, российская углеводородная культура пока очень избирательно сохраняет свою власть над материальными аспектами (потоками, инфраструктурами и связями) энергии, включая экологическое измерение.

Однако такой экологической политике «снятия сливок» необходимо противостоять. Это должны сделать русские, и в национальном контексте это прежде всего культурные и связанные с идентичностью аргументы, и оправдания углеводородной культуры, которые необходимо оспорить. Однако это будет неэффективно, если основные потребители российской энергии – ЕС, Китай и другие страны – не бросят вызов этой сомнительной практике через соглашения о торговле энергоресурсами и с помощью экономических мер. Весь спектр экологических последствий российского производства энергии, которые в первую очередь затрагивают Арктику, особенно уязвимую в этом отношении, должен быть раскрыт и рассмотрен политически, а также превращен в инструмент для сдерживания инвестиций в (арктические) углеводороды и содействия переходу к углеродно-нейтральной России, чтобы она могла процветать как великая держава «зеленых потоков». Арктика и глобальная окружающая среда только выиграют, если Россия сможет постепенно перейти от культуры углеводородов к культуре «зеленых потоков».

Литература

- Гринпис России. Цена экологического демпинга в нефтяной отрасли. 2020. https://greenpeace.ru/wp-content/uploads/2020/02/Eco_Dumping_MV_03.pdf (Дата обращения: 9.04.2021).
- Министерство природных ресурсов. Год экологии в России. 2017. http://www.mnr.gov.ru/activity/year_of_ecology/ (Дата обращения: 23.03.2017).
- Министерство природных ресурсов. Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019. 2020. http://www.mnr.gov.ru/docs/gosudarstvennye_doklady/proekt_gosudarstvennogo_doklada_o_sostoyanii_i_ob_okhrane_okrzhayushchey_sredy_rossiyskoy_federat2019/ (Дата обращения: 9.04.2021).
- Правительство Российской Федерации Распоряжение от 25 декабря 2019 г. № 3183-р. 2019. <http://static.government.ru/media/files/>

- OTrFMr1Z1sORh5NIx4gLUsdgGHyWIAqy.pdf (Дата обращения: 19.02.2021).
- Aalto, P. 2016. Modernisation of the Russian Energy Sector: Constraints on Utilising Arctic Offshore Oil Resources. *Europe-Asia Studies* 68(1): 38–63.
- Atomflot 2021. *FGUP Atomflot*. <http://www.rosatomflot.ru> (accessed February 18, 2021).
- Baev, P. 2018. Examining the Execution of Russian Military-Security Policies and Programs in the Arctic”, in *Russia's Far North: The Contested Energy Frontier*, V.-P. Tynkkynen, S. Tabata, D. Gritsenko, and M. Goto (eds.): 113–125. Abingdon and New York: Routledge.
- Bouzarovski, S., and M. Bassin 2011. Energy and Identity: Imagining Russia as a Hydrocarbon Superpower. *Annals of the Association of American Geographers*, 101(4): 783–794.
- Bridge, G. 2011. Past Peak-Oil: Political Economy of Energy Crises’, in *Global Political Ecology*, R. Peet, P. Robbins, and M. Watts (eds.), 307–324 Abingdon: Routledge.
- Castells, M. 1999. Grassrooting the Space of Flows. *Urban Geography* 20(4): 294–302.
- Elvidge, C., M. Bazilian, M. Zhizhin, T. Ghosh, K. Baugh, and V. Hsu 2018 . The Potential Role of Natural Gas Flaring in Meeting Greenhouse Gas Mitigation Targets. *Energy Strategy Reviews* 20(4): 156–162.
- Gazprom International 2012. *The Power Within*.
www.youtube.com/watch?v=N0Ihdk2UAWU (accessed 24.01.2016)
- Gessen, M. 2017. *The Future is History: How Totalitarianism Reclaimed Russia*. New York: Riverhead Books.
- Gritsenko, D. 2018. Energy Development in the Arctic: Resource Colonialism Revisited. In *Handbook of International Political Economy of Energy and Natural Resources*, A. Goldthau, M. Keating, and C. Kuzemko (eds.): 172–83. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.
- Gritsenko, D., and V.-P. Tynkkynen 2018. Telling Domestic and International Policy Stories: The Case of Russian Arctic Policy. In *Russia's Far North: The Contested Energy Frontier*, V.-P. Tynkkynen, S. Tabata, D. Gritsenko, and M. Goto (eds.), 191–205. M. Abingdon and New York: Routledge.
- Gustafson, T. 2012. *Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Heininen, L. 2018. The Twofold Development of the Arctic: Where Do the Arctic States Stand? In *Russia's Far North: The Contested Energy Frontier*, V.-P. Tynkkynen, S. Tabata, D. Gritsenko, and M. Goto (eds.), 84–95. M. Abingdon and New York: Routledge.
- Henry, L., S. Nysten-Haarala, S. Tulaeva, and M. Tysiachniouk 2016. Corporate Social Responsibility and the Oil Industry in the Russian Arctic: Global Norms and Neo-Paternalism. *Europe-Asia Studies* 68(8): 1340–1368.

- Hese, S., and C. Schmullius 2009. High Spatial Resolution Image Object Classification for Terrestrial Oil Spill Contamination Mapping in West Siberia. *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation* 11: 130–141.
- Koch, N., and V.-P. Tynkkynen 2019. The Geopolitics of Renewables in Kazakhstan and Russia. *Geopolitics* 26 (2): 521–540.
- Korppoo, A. 2018. Russian Associated Petroleum Gas Flaring Limits: Interplay of Formal and Informal Institutions. *Energy Policy* 116: 232–241.
- Laruelle, M. 2012. Larger, Higher, Farther North...Geographical Metanarratives of the Nation in Russia. *Eurasian Geography and Economics* 53(5): 557–574.
- Medvedev, S. 2018. Simulating Sovereignty: The Role of the Arctic in Constructing Russian Post-Imperial Identity. *Russia's Far North: The Contested Energy Frontier*, V.-P. Tynkkynen, S. Tabata, D. Gritsenko, and M. Goto (eds.): 206–215. Abingdon and New York: Routledge.
- Nerg, P., and N. Järvenkylä 2019. *Tiukka Paikka* [Tight place]. Jyväskylä: Docendo.
- Palosaari, T., and N. Tynkkynen 2015. Arctic Securitization and Climate Change. In *Handbook of the Politics of the Arctic*, L. C. Jensen, and G. Hønneland (eds.): 165–201. G. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.
- Pfeiffer, T., and I. Khennikov 2019. *Melting Arctic Means New, and Faster, Subsea Cables*. Bloomberg, September 13, 2019. <https://gcaptain.com/melting-arctic-means-new-and-faster-subsea-cables/> (accessed: 18.02.2021).
- Poberezhskaya, M. 2015. Media Coverage of Climate Change in Russia: Governmental Bias and Climate Science. *Public Understanding of Science* 24(1): 96–111.
- Rutland, P. 2015. Petronation? Oil, Gas, and National Identity in Russia. *Post-Soviet Affairs* 31(1): 66–89.
- Shapovalova, D. 2017. The Effectiveness of Current Regulatory Models of Gas Flaring in Light of Black Carbon Emissions Reduction in the Arctic. In *Global Challenges in the Arctic Region*, E. Conde, E., and S. Iglesias Sánchez (eds.): 325–344. London: Routledge.
- Shorrocks, A., J. B. Davies, R. Lluberas, and A. Koutsoukis 2016. *Global Wealth Report 2016*. Zurich: Credit Suisse Research Institute.
- Shvarts, E., A. Pakhalov, and A. Knizhnikov 2016. Assessment of Environmental Responsibility of Oil and Gas Companies in Russia: The Rating Method. *Journal of Cleaner Production* 127: 143–151.
- Soisalon-Soininen, J. 2014. Finnair varautuu poikkeustilaan: Selvittää ilmatilan käyttöä” [Finnair is preparing for an emergency: investigates the use of airspace]. *Ilta-Sanomat*, 15.8.2014. at <https://www.is.fi/taloussanomat/art-2000001846476.html> (accessed: 18.02.2021).
- Stohl, A., Z. Klimont, S. Eckhardt, K. Kupiainen, V.P. Shevchenko, V.M. Kopeikin, and A.N. Novigatsky 2013. Black Carbon in the Arctic: The Underestimated Role of Gas Flaring and Residential Combustion Emissions. *Atmospheric Chemistry and Physics* 13: 8833–8855.

- Tynkkynen, V.-P. 2010. From Mute to Reflective: Changing Governmentality in St. Petersburg and the Priorities of Russian Environmental Planning. *Journal of Environmental Planning and Management* 53(2): 1–16.
- 2014. Russian Bioenergy and the EU's Renewable Energy Goals: Perspectives of Security. In *Russian Energy and Security up to 2030*, S. Oxenstierna, and V.-P. Tynkkynen (eds.), 95–113. London: Routledge.
- 2016a. Energy as Power: Gazprom, Gas Infrastructure, and Geo-Governmentality in Putin's Russia. *Slavic Review* 75(2): 374–395.
- Tynkkynen, V.-P. 2016b. Sports Fields and Corporate Governmentality: Gazprom's All-Russian Gas Program as Energopower. In *Critical Geographies of Sport: Space, Power and Sport in Global Perspective*, N. Koch (ed.), 75–90. Abingdon: Routledge.
- Tynkkynen, V.-P., S. Tabata, D. Gritsenko, and M. Goto (eds.) 2018. *Russia's Far North: The Contested Energy Frontier*. Abingdon and New York: Routledge.
- Vasilyeva, E., O. Gore, S. Viljainen, and V.-P. Tynkkynen 2015. *Electricity Production as an Effective Solution for Associated Petroleum Gas Utilization in the Reformed Russian Electricity Market*. Presented at the 12th International Conference on the European Energy Market, 20–22 May.
- Vasilyeva, N. 2014. Constant Oil Spills Devastate Russia". *The Seattle Times*, December, 24. www.seattletimes.com/nation-world/constant-oil-spills-devastate-russia/ (accessed: 28.11.2018).

